
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В АКУША-ДАРГО

Гуруев Д.К., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, djxxx999@yandex.ru

Статья посвящена вопросам организации управления в административном образовании Дагестана в начале XIX века на примере Акуша-Дарго. Отмечается, что на сравнительно небольшой территории Дагестана имели распространение демократия и монархия. В данной статье рассматриваются формы правления, характерные для Акуша-Дарго. Исследуются полномочия старшин, духовенства сельских обществ, рассматривается организация структуры управления сельской общины. Делается вывод о том, что структура органов власти и управления в Акуша-Дарго отразила своеобразный уровень правового развития, в котором были представлены как положительные, так и отрицательные элементы демократии.

Ключевые слова: Джамаат, Дагестан, Кадий, Тухум, Народное собрание, Сельский сход.

DOI: 10.21779/2224-0241-2016-20-4-13-17

UDC 340

GOVERNMENT PECULIARITIES IN AKUSHA-DARGO

Guruev D.K., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, djxxx999@yandex.ru

The article is devoted to questions of management control in the administrative education of Dagestan in the early nineteenth century on the example of Akusha-Dargo. On the comparatively small territory of Dagestan democracy and monarchy forms prevailed. In the given article the forms of government typical of Akusha-Dargo are considered. Explores the powers of the elders, clergy, rural communities, the organization of the management structure of rural communities. It is concluded that the structure of authority and control in Akusha-Dargo reflected the kind of level of legal development, which presented both positive and negative elements of democracy.

Key words: Jamaat (a group of the elder wise men gathering to discuss the problems of the village), Dagestan, A Qadi (a judge appointed by the Sultan, ruling in accordance with the Islamic law, Shariah), Tukhum (a family group in Dagestan), National Assembly, Village Community Assembly.

DOI: 10.21779/2224-0241-2016-20-4-13-17

Известно множество форм правления – это монархия, демократия и аристократия, военная демократия, олигархия, крестьянская демократия [1, с. 25.] и др. К началу XIX в. даргинский этнос оказался разделенным на ряд политических и административных образований. По мнению Х.-М.О. Хашаева, Акушинское, Мекегинское, Цудахарское, Усишинское, Мугинское и Урахинское «вольные» общества вместе с Сюргинским обществом составляли Союз акуша-сюргинских даргинцев [2, с. 117]. Часть даргинцев (общество Буркун-Дарга) еще в XVIII в. вошла в состав Казикумухского ханства. Значительная же часть даргинцев, вместе с южными кумыками и терекемейцами, находилась в составе Кайтакского уцмийства.

Механизм управления в Акуша-Дарго вызывает интерес для научного исследования в первую очередь тем, что в нем воплотились признаки демократии.

Низовой административно-территориальной

единицей Акуша-Дарго являлось сельское общество. Все сельские общества, входившие в состав Акуша-Дарго, имели свое собственное местное управление [3, с. 123]. Каждое сельское общество управлялось выборным старшиной. В наиболее же крупных из них было по несколько старшин.

В компетенцию старшин входило управление всеми светскими делами общества: они обязаны были следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в своих обществах, а также вершить суд по всем гражданским делам, не относящимся к разбору по шариату.

Шила халати, как и джамаатла халати, выбирались на сельском сходе, где участвовали только совершеннолетние мужчины. Количество их колебалось в разных обществах от 2 до 6 человек в зависимости от величины селений.

Во главе духовной власти в сельских обществах стояли сельские кадии, будуны, муллы. Кадии и будуны были только при главных и больших мечетях. А мулла в каждом селении было столько, сколько мечетей. Кадии сельских обществ имели в пределах своего селения те же религиозные права, что и кадии союзов сельских обществ. Будуны являлись помощниками кадиев и во время отсутствия последних выполняли и их функции [4]. Наиболее важные вопросы в сельских обществах обсуждались на народном сходе, который назывался джамаатом. Следует согласиться с С.М. Джалаловой в том, что джамаат являлся «уникальной формой организации сельской общины ...», который в научных кругах считают примером гражданского общества в условиях горной республики» [5, с. 64]. По мнению Э.К. Джамаловой, «джамааты (вольные общества) стали основой формирования цивилистского типа правовой культуры» [6].

В Акуше был один «мангуш», он один имел право передавать все распоряжения картов и кадий народу, а также если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа, то справлялись об этом через мангуша, который приносил им согласие народа на их решение или же отмену такового.

Назначались исполнители по очереди на один год. Количество их, как и количество старшин, зависело от величины селения. В Усишинском, Гапшиминском, Цудахарском обществах было по 9 исполнителей, в Акушинском, Мекегинском обществах – по 12 человек, в Мугинском – от 7 до 12 человек и т.д. В обязанности их входили чисто полицейские функции. Важно и интересен взгляд Б.Г. Алиева на структуру управления сельской общины. Он, в частности, отмечает, что «во главе исполнительской власти сельской общины стоял мангуш или глашатай. Выбирался он с согласия кадия и шила халати на сельском сходе, в основном на один год или же бессрочно» [7, с. 195]. Мангуш, помимо того что возглавлял и направлял работу исполнителей, в то же время сам объявлял народу приказания кадия и старшин, приводил в исполнение их распоряжения, созывал народ на сход, оглашал решения джамаата, объявлял очередность исполнителей и т.д.

Кадий принимал решение, а мангуш провозглашал его решения и решения народного собрания Акуша-Дарго о войне, объявлял мобилизацию, определяя, по сколько человек, с какого числа дворов должны идти на войну. При этом кадий брал командование на себя и двигался впереди войска. В мирное время кадий был верховным судьей для всех обществ Акуша-Дарго, если же жалоб накапливалось много, но при этом все они были частные, то акушинский кадий рассылал по обществам письменные извещения посредством чапаров, и на площадку Ханц-Кала, недалеко от Усиша, сходились те, кого эти дела касались, и кадий решал все эти дела по адату и шариату.

Пять хуреба, впервые объединившихся ради одиночной военной акции, превращаются где-то в середине XV в. окончательно в своего рода федерацию джамаатских союзов, такую же, как вилайет XV в. в Кайтаг-Дарго. И здесь, и там обострение внутренней и внешней обстановки заставляет выдвинуть признавае-

мого всеми единого главу государства, но в Кайтаг-Дарго это оказывается наследственный князь-уцмий, а в Акуша-Дарго — выборный кадий, но из одного тухума. Как объяснить такую разницу? Вспомним, что обе эти государственные системы выросли из одного и того же зерна — из горской общины-джамаата, соединившей в себе архаические тухумные и демократические джамаатские (договорно-выборные) принципы организации управления. На юге даргинцам раньше пришлось перейти к государственной организации — понятно, что на более ранней стадии развития джамаата были сильные тухумные начала, и потому более понятными и привычными тогда казались наследственные формы: княжеская династия (точнее, владетельный дом) выглядела как привилегированный тухум на уровне вилайета сообщества земель Кайтаг-Дарго. На северо-западе переход к государственным формам свершился позже, когда джамаат завершил свое развитие — на «верхний» уровень были перенесены демократические формы власти.

С одной стороны, это выборный, а с другой стороны, в любом джамаате кадий с наибольшим правом годился на роль общественного посредника — оставалось лишь утвердить его главой высшего уровня, перенести первичные, демократические джамаатские формы на «самый верх».

Как разительно изменились в начале XVII в. роль и место Акуша-Дарго в шамхальской конфедерации. Теперь это не просто подчиненные шамхалу земли — кадий может попросту не утвердить на трон шамхальства негодную для Акуша-Дарго кандидатуру (т.е. имеет разрешительные полномочия), о дани теперь не может быть и речи. Тем не менее, шамхальство и Акуша-Дарго нужны друг другу.

Анализируя систему управления, сложившуюся в Акуша-Дарго, следует рассмотреть характер и определить место в данной системе старшин сельских обществ. Старшины управляли всеми повседневными светскими делами в своих обществах: они следили и направляли всю хозяйственную и политическую жизнь обществ, а также вершили суд по всем гражданским делам, не относящимся к разбору по шариату. При разборе и решении дел старшины руководствовались адатом. Функции власти старшины также рассматривались Н.Ф. Дубровиным, который писал, что они «наблюдали за порядком в селениях, собирали, в случае надобности, сходки, назначали места собрания и входили в сношение с соседними племенами, они же были и судьями... Ежедневно, каждое утро выбираемые по одному из каждого тухума, выходили на площадь к мечети, словом, на место, избираемое для суда, и там производили суд. При разборе и решении дел, руководствовались преимущественно адатом» [8, с. 606].

У других народов Дагестана кадии могли выполнять функции военачальника, как, например, кадий Анцуха Халил [9, с. 832; 10, с. 67; 11, с. 217]. Как отмечают Б.Г. Алиев и А.О. Муртазаев, «кадии вершили суд на основе шариата. Во власти кадия, там, где они сосредоточили и светскую, и духовную власть, как и во всей жизни горцев, мирно уживались адат и шариат» [7, с. 195]. Это говорит о своеобразном проявлении биюриадиазма в правовом строе. Стоит отметить и мнение И.П. Петрушевского, который отмечал, что «со-

единение черт раннефеодального строя с многочисленными пережитками родового строя привело к тому, что здесь существовали рядом с нормами домусульманского обычного права (адат) и мусульманский шариат» [12, с. 213].

Анализ деятельности административных лиц показал, что в обязанности мангуша входило объявление и приведение в исполнение приказаний, решений и распоряжений кадия и старшин, созыв народа на сельский сход, оглашение решений, принятых на нем, объявление очередности исполнителей и т.д. Посредническая роль и значимость должности мангуша хорошо видна в сел. Акуша-Дарго. «В Акуше, – сказано в источнике, – был один «мангуш», он один имел право передавать все распоряжения картов («шила халати». – Д.Г.) и кадий народу, а также если карты задумывали что-нибудь новое или решали важный вопрос и хотели знать мнение народа, то справлялись об этом через мангуша, который приносил им согласие народа на их решение или же отмену такового.

Исполнители «являлись силами принуждения; им разрешалось применение насилия во время исполнения своих обязанностей», хотя и «в ограниченных рамках» [13, с. 182]. Возглавлял исполнителей мангуш. Назначались исполнители джамаатам и старшинами по очереди на различные сроки – от одного месяца до года. О правах и обязанностях исполнителей в одном из источников XIX в., посвященном Кайтагу, говорится: «Взыскать штраф (по приказанию старшины) с того, кто оказывается по суду виновным; выгонять из дому кангля, если родственники его скрывают; с того, кто ослушивался и не исполнял приказания старшин, тулгаки (исполнители – Д.Г.) брали штраф быка или его стоимость...» [2, с. 21]. Примерно такие же права и обязанности имели исполнители и других сел союзов сельских общин.

Другая особенность – это то, что административные лица союзов пользовались рядом льгот, привилегий. Они были освобождены «от несения» каких-либо повинностей, от караульной службы [14, с. 360, 223, 224] и т.д. В «Постановлении Кайтахского Уцмия Рустем-Хана» сказано: «У кадия, чауша (мангуша – Д.Г.), нарочного, старика (старейшины – Д.Г.) и ученика не разрешалось брать барамту» [15, с. 84]. С нарушившего брали пеню (3 руб. 60 коп.) [16, с. 180; 17]. По адатам андалальцев с того, кто возьмет ишкиль у кадия, старшины или мангуша, или его наследника, взыскивался бык [2, с. 65].

Решения, принятые администрацией села, подлежали безусловному исполнению. «С того, кто начнет спорить с чаушем, – говорится в «Постановлениях» кайтагского уцмия, – брать кары (мера длины – около 50 см. – Д.Г.) хабцалдику (домотканый материал. – Д.Г.)» [15, с. 84].

Известно, что в родовом обществе члены рода с уважением относились к его органам, как к своим органам, выражающим их интересы.

По адатам Акушинского общества за убийство мангуша алум и штраф взыскивались «вчетверо»; за убийство тургака (исполнителя. – Д.Г.) – «вдвое» [2, с. 35]. Двойной штраф взыскивался «за поранение тургака» (исполнителя. – Д.Г.) и в Урахинском и Мугинском обществах [2, с. 68, 90]. По адатам андалальцев с того,

кто ударит исполнителя, взыскивался один бык [2, с. 63]. Такой же штраф брали с того, кто подрался с исполнителем в Келебском обществе [2, с. 75]. Согласно адатам цекубцев с того, кто ударит старейшину, взыскивалось 3 овцы [2, с. 68, 90].

Следовательно, органы власти работали; более того, поддерживали порядок и правовые взаимоотношения в обществе.

Что касается механизма действия, то, как известно, компетенция о созыве сельского схода принадлежала сельским старшинам и кадиям. Их решения претворяли мангуши и исполнители, объявлявшие об этом народу. В одном из источников сказано, что одной из обязанностей мангушев «была созывать народ на общественные места» [2, с. 21].

Сельские сходы созывались по мере необходимости. По мнению Р.М. Магомедова, они «созывались часто» [10, с. 72]. Решения, принятые на сходе, были обязательны для всех, они приобретали «силу закона и обычая» [10, с. 72]. Принимались решения путем голосования по большинству голосов, хотя часто исход голосования зависел от позиции наиболее влиятельных членов общины, занимавших, как правило, и высшие административные должности в селе (старшины и кадии), которые, как указывалось выше, во многих общинах уже узурпировали власть, выдвигая на эти должности только представителей своего тухума и даже передавая власть по наследству по прямой линии.

Народное собрание не было оперативным коллективным органом власти села. Таким постоянным органом власти сельской общины был совет, который, как и в древних общинах, первоначально состоял из старейшин, почему он и был известен как совет старейшин. В изучаемое нами время совет состоял из высших должностных лиц и верхушки богатых и влиятельных тухумов. Р.М. Магомедов писал, что в совет старейшин союзов сельских общин Аварии входили «кроме старейшин, главы тлибилей и чухбы под именем почетных стариков» [10, с. 72].

Совет старейшин был более оперативным органом управления сельских общин. На нем не только обсуждались вопросы, требующие неотложного решения. Он являлся малым джамаатом и фактически высшим органом управления общины, имеющим «практически все верховные полномочия» и заменявший «собой народное собрание» [13, с. 174], который, как сельский сход, но оперативно, решал вопросы сношения с другими обществами, охраны границ, распределения общественных земель, проведения общественных работ (строительство дорог, мостов, оросительных систем, общественных зданий, приведение в порядок села, кладбищ и т.д.), аренда зимних и летних пастбищ, созыв сельского схода и т.д. Это «высший, после народного собрания орган, – пишет о совете старейшин М.А. Агларов, – который можно сопоставить (с учетом ряда особенностей и в упрощенном варианте) с органами правления в древних гражданских общинах» [13, с. 176]. И далее, останавливаясь на функциях совета старейшин, он отмечает, что совет старейшин, хотя при росте кланового засилья или утверждения феодального единовластия оттеснялся на роль совещательного органа, но всегда сохранял за собой функции самого авторитетного учреждения во время разбирательства ситу-

аций: кровных тяжб, апелляций лиц или тухумов к другим лицам, тухумам или обществам, при просьбах об установлении мира, при территориальных конфликтах и т.д.» [13, с. 177]. Нельзя не отметить и его оценку совета старейшин и сравнения с подобными институтами управления других стран. По этому поводу он пишет: «В данной политической форме и ее функциях легко усмотреть орган «гражданского» самоуправления со статусом представительного органа всей общины (или их союза), т.е. совет старейшин представлял народное собрание «руккел», почему, собственно, и назывался «джамаат».

Очевидно, что совет старейшин вырос из древних потестарных форм, известных в общей этнографии как геронтократия, как, впрочем, и сенат в Древнем Риме» [13, с. 177].

В другой работе М.А. Агларов пишет, что «совет старейшин – это прообраз сената, основной элемент гражданского самоуправления» [18, с. 159]. Во главе совета, как и общины в целом и схода, стояли старшины и кадии, т.е. местная знать, которая, как и на народных собраниях, принимала угодные себе решения, выполнение которых, как и решений схода, было обязательным.

Итак, структура органов власти и управления в Акуша-Дарго отразила своеобразный уровень правового развития, в котором были представлены элементы демократии со всеми ее плюсами и минусами, как с формационной, так и с цивилизационной точки зрения. В то же время использованные в статье материалы опровергают имеющуюся позицию, принижаящую уровень развития дагестанской государственности.

Литература

1. Андреев Ю.В. Античный полис и восточные города-государства // Античный полис. Л., 1979.
2. Памятники обычного права Дагестана XVIII–XIX вв.: архив. материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.
3. История, география и этнография Дагестана XIII—XIX вв. М., 1958.
4. РФ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 1. Д. 375(2).
5. Джалалова С.М. Гражданское общество в Южном Дагестане (на примере союзов сельских обществ в конце XVIII – первой половине XIX в.) // Гражданское общество и правовое государство. 2011. Т. 1.
6. Джамалова Э.К. Феномен правового плюрализма в XIX веке и его влияние на правовую культуру народов Дагестана // Юридический вестник ДГУ. Т. 17. 2016. №1.
7. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация союзов сельских общин даргинцев Акуша-Дарго в XVII - первой половине XIX в.: вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала, 2008.
8. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.
9. АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2.
10. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957.
11. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1994.
12. Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне русского завоевания // Исторический сборник. Л., 1934. Т.1.
13. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.
14. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в.: архив. матер. / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.
15. Постановления Кайтахского уцмия Рустем-хана, написанные в XII веке по Р. Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1.
16. Из истории права народов Дагестана: матер. и документы / сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968.
17. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.Т. 2.
18. Агларов М.А. Андийцы. Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Юпитер, 2002.

References

1. Andreev Yu.V. Antichnyi polis i vostochnye goroda-gosudarstva // Antichnyi polis. L., 1979.
2. Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVIII–XIX vv.: arkhiv. materialy / sost., predisl. i primech. Kh.-M. Khashaeva. M.: Nauka, 1965.
3. Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XIII—XIX vv. M., 1958.
4. RF DNTs RAN. F.1. Op. 1. D. 375(2).
5. Dzhahalalova S.M. Grazhdanskoe obshchestvo v Yuzhnom Dagestane (na primere soyuzov sel'skikh obshchestv v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.) // Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo. 2011. T. 1.
6. Dzhamalova E.K. Fenomen pravovogo plyuralizma v XIX veke i ego vliyanie na pravovuyu kul'turu narodov Dagestana // Yuridicheskii vestnik DGU. T. 17. 2016. №1.
7. Aliiev B.G., Murtazaev A.O. Federatsiya soyuzov sel'skikh obshchin dargintsev Akusha-Dargo v XVII - pervoi polovine XIX v.: voprosy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii. Makhachkala, 2008.
8. Dubrovin N.F. Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. SPb., 1871. T. 1. Kn. 1.
9. AKAK. Tiflis, 1875. T. 6. Ch. 2.

10. *Magomedov R. M.* Obshchestvenno-ekonomicheskii i politicheskii stroi Dagestana v XVIII – nachale XIX vekov. Makhachkala, 1957.
11. *Magomedov R.M., Magomedov A.R.* Istoriya Dagestana. Makhachkala : Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994.
12. *Petrushevskii I.P.* Sotsial'naya struktura Dzharo-Belokanskikh vol'nykh obshchestv nakanune rossiiskogo zavoevaniya // Istoricheskii sbornik. L., 1934. T.1.
13. *Aglarov M.A.* Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form khozyaistva, sotsial'nykh struktur i etnosa). M.: Nauka, 1988.
14. Feodal'nye otnosheniya v Dagestane. XIX – nachalo XX v.: arkhiv. mater. / sost., predisl. i primech. Kh.-M. Khashaeva. M., 1969.
15. Postanovleniya Kaitakhskego utsmiya Rustem-khana, napisannye v XII veke po R. Kh. i otdannye na khranenie kadiyu magala Gapsh // SSKG. Tiflis, 1868. Vyp. 1.
16. Iz istorii prava narodov Dagestana: mater. i dokumenty / sost. A. S. Omarov. Makhachkala, 1968.
17. *Kovalevskii M.M.* Zakon i obychai na Kavkaze. M., 1890. T. 2.
18. *Aglarov M.A.* Andiitsy. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Makhachkala: Yupiter, 2002.

*Поступила в редакцию 19 апреля 2016 г.
Received 19 April, 2016*